

Лев Николаевич

Толстой

О науке

(1909 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBY

Подготовлено на основе электронной копии 38-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 38-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются

в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. Толстой

1909 г.

О НАУКЕ.

Ответ крестьянину.

I.

То, о чем вы пишете в вашем письме, так важно, и я так давно и много думал и думаю об этом самом, что мне хочется напоследях, зная, что мое время коротко, насколько сумею, ясно и правдиво высказать все, что я думаю об этом, самой первой важности, предмете.

Вы спрашиваете, что надо разуметь под наукой и образованием? Спрашиваете, не бывают ли наука или образование вредны, и, как образец того вреда, который бывает от того, что называется образованием, приводите пример того учителя, сына крестьянина,

который стыдится выкормившего его отца и, когда отец этот привез ему свои деревенские гостинцы, попросил отца спрятаться на кухне, чтобы не оконфузить своим мужицким видом образованного сына перед бывшими у него гостями.

Может быть, пример этот и исключителен, но знаменателен, и стоит вдуматься в него, чтобы то, что у нас называется образованием, представилось в ином, чем оно представляется большинству, значении.

На другой день после получения вашего письма я провел вечер с дамой, директрисой гимназии, с довольно странным для дамы именем и отчеством – Акулиной Тарасовной. У дамы этой тонкие, белые, прекрасные руки с перстнями, шелковая, умеренно модная одежда и приятный вид усталой, умной, «образованной» женщины с либеральными идеями. – Дама эта крестьянская заброшенная сиротка. Помещица случайно разжалобилась над именно этой сироткой, взяла ее воспитывать и дала ей «образование». И вот вместо Акульки, которую трепала бы за косы мать за то, что она, чортова девка, упустила телят в овсы, а потом, вместо Акулины, которую сосватал бы Прохор Евстигнеев и бил бы в пьяном виде смертным боем, а потом вместо Акулины вдовы, которая, оставшись с пятью детьми, ходила бы с сумой и всем, как горькая редька, надоела своими слезами и причитаниями, а потом вместо ставшей из Акулины Тарасовной, которая, хотя и вырастила сына и отдала его в люди, все-таки живет впроголодь у зятя, терпя всякие обиды от брата невестки, вместо этой зачахлой, грязной, оборванной, утром и вечером умоляющей матушку казанскую царицу небесную, чтобы она прибрала ее, вместо этой Тарасовны, которая в тягость не только себе, но и всем тем, кто ее кормит, вместо этой Тарасовны теперь любезная, умная директриса, белыми руками сдающая карты, остроумно шутящая о персидских делах с старинным приятелем и сыном ее воспитателя и предпочитающая чай с лимоном, а не со сливками. И на вопрос: угодно ли ей ягод? отвечающая: пожалуй, только немного. Мой милый доктор не велит, да уж очень хороши ягоды. Немножко, пожалуйста».

Расстояние между той и другой Тарасовной как от неба до земли. А отчего? Оттого, что Акульке дано было «образование».

Ее благодетельница не ошиблась в том, что нужно для того, чтобы доставить своей воспитаннице то, что считалось ею несомненным счастьем: она дала Акульке образование. И образование сделало то, что Акулька стала дамой, т.е. из мужички, которой все говорят ты, стала госпожей, которой все говорят вы и которая сама говорит ты всем тем людям, которые кормят ее вместе со всеми теми, с кем она стоит теперь на равной ноге, т.е. из сословия подвластных и угнетенных перешла в сословие властвующих и угнетающих. То же на половину сделал и ваш учитель и желает сделать до конца. Но у него еще есть препятствия родства, которых не было у моей дамы.

II.

За несколько уже лет не проходит дня, чтобы я не получил от двух до четырех писем с просьбами о том, чтобы я тем или иным способом помог ему или ей, если это пишет сам желающий учиться, или мать, просящая за детей, чтобы я помог детям или молодым людям учиться, окончить образование, удовлетворить, как они пишут, съедающую их с детства страсть к просвещению, т.е. помог бы им посредством диплома выйти из положения людей, обязательно тяжело трудящихся, в положение вашего учителя или моей дамы. Самое же странное, при этом я сказал бы смешное, если бы это не было так жалко и гадко, это то, что эти люди, юноши, девушки, матери, всегда все объясняют свое желание получить образование тем, чтобы иметь возможность «служить народу, посвятить свою жизнь служению нашему несчастному народу».

Вроде того, как если бы один из многих людей, несущих общими силами тяжелое бревно, вышел бы из под бревна и сел бы на него в то время, как другие несут его, объясняя свой поступок тем, что он делает это из желания служить несущим.

Все дело ведь очень просто.

Мы говорим, что в Индии существуют касты, а что у нас в христианском мире нет их. Но это неправда. У нас в христианском мире есть также немногие, но две до такой степени резко разделенные между собой касты, что едва ли возможна где-нибудь какая-либо большая разница и отделенность между двумя разрядами людей, чем та, которая существует между людьми с отчищенными ногтями, вставными зубами, утонченными одеждами, кушаньями, убранствами жилищ, дорогими портнихами, людьми, расходующими, не говорю уже ежедневно сотни рублей, но 5, 3, 2 рубля в день, и полуголыми, полуголодными, грязными, не отдыхающими, безграмотными и в вечной зависимости от нужды людьми, работающими по 16 часов в сутки за два рубля в неделю.

Отношений между этими двумя, если не кастами, то разрядами людей, как и не может быть иначе, нет никаких, кроме повелений, наказаний и случайных для препровождения времени игрушечных благотворений со стороны людей с вычищенными ногтями и покорного исполнения, выпрашивания и затаенной зависти и ненависти со стороны людей с мозолистыми грязными руками. Разница между кастами в Индии и этими двумя разрядами людей в христианском мире только та, что в Индии и законом и обычаем воспрещается переход из одной касты в другую, у нас же переходы эти из одного разряда в другой возможны и совершаются всегда одним и тем же средством.

Средство это есть только одно: «образование». – Только «образование» дает людям из рабочего народа возможность посредством поступления или в чиновники к правительству, или в служащие к капиталистам и землевладельцам, выйти из своего сословия и сесть на шею его, участвуя с правительством, землевладельцами и капиталистами в отнятии от народа произведений его труда.

Если же люди из народа какими либо, всегда недобрыми путями и помимо образования сумели обогатиться, то для полного их перехода в высшую

касту нужно опять таки образование.

Так что стремление к образованию людей рабочего сословия, вызываемое, если не исключительно, то преимущественно желанием избавления себя от труда рабочего сословия, противно установившемуся мнению, не заключает в себе не только ничего похвального, но, напротив, есть в большей части случаев стремление очень нехорошее.

III.

«Но если и допустить, что цель большинства людей из народа, стремящихся к образованию, не заключает в себе ничего похвального, – скажут люди, твердо верующие в благотворность науки, – образование само по себе все-таки есть дело полезное, и желательно, чтобы как можно больше людей пользовались им».

Чтобы ответить на этот вопрос, надо ответить на то самое, о чем вы спрашиваете, что такое то, что у нас называется образованием и наукой?

Так как образование есть только обладание теми знаниями, которые признаются наукой, то буду говорить только о науке.

Наука? Что такое наука? Наука, как это понималось всегда и понимается и теперь большинством людей, есть знание необходимейших и важнейших для жизни человеческой предметов знания.

Таким знанием, как это и не может быть иначе, было всегда, есть и теперь только одно: знание того, что нужно делать всякому человеку для того, чтобы как можно лучше прожить в этом мире тот короткий срок жизни, который определен ему Богом, судьбой, законами природы, – как хотите. Для того же, чтобы знать это, как наилучшим образом прожить свою жизнь в этом мире, надо прежде всего знать, что точно хорошо всегда и везде и всем людям, и что точно дурно всегда и везде и всем людям, т.-е. знать, что должно и чего не должно делать. В этом и только в этом всегда и была и продолжает быть истинная, настоящая наука.

Наука эта есть действительно наука, т.-е. собрание знаний, которые не могут сами собой открыться человеку и которым надо учиться и которым учился и весь род человеческий. Наука эта во всем ее объеме состоит в том, чтобы знать все то, что за многие тысячи лет до нас думали и высказывали самые хорошие, мудрые люди, из тех многих миллионов людей, живших прежде нас, о том, что надо и чего не надо делать каждому человеку для того, чтобы жизнь не для одного себя, но для всех людей была хорошей. И так как вопрос этот так же, как он стоит теперь перед нами, стоял всегда перед всеми людьми мира, то и во всех народах и с самых давних времен были люди, высказывавшие свои мысли о том, в чем должна состоять эта хорошая жизнь, т.-е. что

должны и чего не должны делать люди для своего блага. Такие люди были везде: в Индии были Кришна и Будда, в Китае Конфуций и Лаотсе, в Греции и Риме Сократ, Эпиктет, Марк Аврелий, в Палестине Христос, в Аравии Магомет. Такие люди были и в средние века и в новое время, как в христианском, так и в магометанском, браминском, буддийском, конфуцианском мире. Так что знать то, что говорили в сущности почти всегда одно и то же все мудрые люди всех народов о том, как должны для их истинного блага жить люди по отношению ко всем главным условиям жизни человеческой, в этом и только в этом истинная настоящая наука. И науку эту необходимо знать каждому человеку для того, чтобы, пользуясь тем опытом, какой приобрели прежде жившие люди, но делать тех ошибок, которые они делали.

И вот знать все то, к чему одному и тому же пришли все эти мудрые люди, в этом, только и этом одном истинная, настоящая наука.

IV.

Наука о том, как надо жить людям для того, чтобы жизнь их была хорошая, касается многих, разных сторон жизни человеческой: учит тому, как относиться к обществу людей, среди которых живешь, как кормиться, как жениться, как воспитывать детей, как молиться, как учиться и многое другое. Так что наука эта в ее отношении к разным сторонам жизни человеческой может казаться и длинной, и многосложной, но главная основа науки та, из которой каждый человек может вывести ответы на все вопросы жизни, и коротка и проста и доступна всякому, как самому ученому, так и самому неученому человеку.

Оно и не могло быть иначе. Все равно, есть ли Бог или нет Бога, не могло быть того, что мог бы узнать самую нужную для блага всякого человека науку только тот, кому не нужно самому кормиться, а кто может на чужие труды 12 лет учиться в разных учебных заведениях. Не могло быть этого и нет этого: настоящая наука та, которую необходимо знать каждому, доступна и понятна каждому, потому что вся эта наука в главной основе своей, из которой каждый может вывести ее приложения к частным случаям, вся она сводится к тому, чтобы любить Бога и ближнего, как говорил Христос. Любить Бога, т.е. любить выше всего совершенство добра, и любить ближнего, т.е. любить всякого человека, как любишь себя. Так же высказывали истинную науку в этом самом ее простом виде еще прежде Христа и браминские, и буддийские, и китайские мудрецы, полагая ее в доброте, в любви, в том, чтобы, как сказал это китайский мудрец, делать другому то, чего себе хочешь.

Так что истинная, настоящая наука, нужная всем людям, и коротка и проста и понятна. И это не могло быть иначе, потому что, как прекрасно сказал это малороссийский мудрец Сковорода: Бог, желая блага людям, сделал все ненужное людям трудным и легким все нужное

им.

Такова истинная наука, но не такова та наука, которая в наше время в христианском мире считается и называется наукой. Наукой в наше время считается и называется, как ни странно это сказать, знание всего, всего на свете, кроме того одного, что нужно знать каждому человеку для того, чтобы жить хорошою жизнью.

Люди, занимающиеся теперь наукой и считающиеся учеными, изучают все на свете. И таких изучений, называемых наукой, такое огромное количество, что едва ли есть на свете такой человек, который не то, чтобы знал все эти так называемые науки, но мог бы хотя перечислить их. Наук этих пропасть, с каждым днем появляются новые. И все эти науки, называемые самыми странными выдуманскими греческими и латинскими словами, считаются одинаково важными и нужными, так что нет никакого указания на то, какие из этих наук должны считаться более, какие менее, важными, и какие поэтому должны изучаться прежде и какие после, какие более и какие менее нужны людям.

Не только нет такого указания, но люди, верующие в науку, до такой степени верят в нее, что не только не смущаются тем, что наука их не нужна, но, напротив, говорят, что самые важные и полезные науки это те, которые не имеют никакого приложения к жизни, т.е. совершенно бесполезны. В этом, по их понятиям, вернейший признак значительности науки.

Понятно, что людям, так понимающим науку, все одинаково нужно. Они с одинаковым старанием и важностью исследуют вопрос о том, сколько солнце весит и не сойдется ли оно с такой или такой звездой и какие козявки где живут и как разводятся, и что от них может сделаться, и как земля сделалась землею, и как стали расти на ней травы, и какие на земле есть звери, и птицы, и рыбы, и какие были прежде, и какой царь с каким воевал и на ком был женат, и кто когда какие складывал стихи и песни и сказки, и какие законы нужны, и почему нужны тюрьмы и виселицы, и как и чем заменить их, и из какого состава какие камни и какие металлы, и как и какие пары бывают и как остывают, и почему одна христианская церковная религия истинна, и как делать электрические двигатели и аэропланы и подводные лодки, и пр. и пр. и пр. И все это науки с самыми странными вычурными названиями, и всем этим с величайшей важностью передаваемым друг другу исследованиям конца нет и не может быть, потому что делу бывает начало и конец, а пустякам не может быть и нет конца. Не может быть конца особенно когда занимаются этими, так называемыми науками люди, которые не сами кормятся, а которых кормят другие и которым поэтому от скуки больше и делать нечего, как заниматься какими бы то ни было забавами. Выдумывают эти люди всякие игры, гулянья, зрелища, театры, борьбы, ристалища, в том числе и то, что они называют наукой.

V.

Знаю, что эти мои слова покажутся верующим в науку, а в науку теперь гораздо больше верующих, чем в церковь (и веру эту еще никто не решался называть тем, что она есть в действительности, простым и очень грубым суеверием), таким страшным кощунством, что эти верующие не удостоят мои слова вниманием и даже не рассердятся, а только пожалеют о том старческом оглупении, которое явствует из таких суждений. Знаю, что так будут приняты эти мои суждения, но все-таки скажу все то, что думаю о том, что называется наукой, и постараюсь объяснить, почему думаю то, что думаю.

Как я уже сказал: перечислить все те предметы, изучение которых называется науками, нет никакой возможности, и потому для того, чтобы можно было судить о том, что называется науками, я постараюсь, распределив все знания, называемые науками, по тем целям, которые они преследуют, обсудить, насколько все знания эти соответствуют требованиям настоящей науки, а если и не соответствуют, то достигают ли хотя тех целей, которые ставят себе люди, занимающиеся ими.

Знания, называемые науками, сами собой распределяются по преследуемым ими целям на три главные отдела.

Первый отдел – это «науки» естественные: биология во всех своих подразделениях, потом астрономия, математика и теоретические, т.е. не прикладные физика, химия и другие со всеми своими подразделениями. Второй отдел будут составлять науки прикладные: прикладные физика, химия, механика, технология, агрономия, медицина и другие, имеющие целью овладение силами природы для облегчения труда людского. Третий отдел будут составлять все те многочисленные науки, цель которых оправдание и утверждение существующего общественного устройства. Таковы все так называемые науки богословские, философские, исторические, юридические, политические.

«Науки» первого отдела: астрономия, математика, в особенности столь любимая и восхваляемая так называемыми образованными людьми биология и теория происхождения организмов и многие другие «науки», ставящие целью своей одну любознательность, не могут быть признаны науками в точном смысле этого слова по двум причинам. Во-первых, потому, что все эти знания не отвечают основному требованию истинной науки: указания людям того, что они должны и чего не должны делать для того, чтобы жизнь их была хорошая. Во-вторых, не могут быть признаны науками еще и потому, что не удовлетворяют тем самым требованиям любознательности, которые ставят себе занимающиеся ими люди. Не удовлетворяют же все эти «науки», за исключением математики, требованиям любознательности потому, что, исследуя явления, происходящие в мире неодушевленном и в мире растительном и животном, «науки» эти строят все свои исследования на неверном положении о том, что все то, что представляется человеку известным образом, действительно существует так, как оно ему представляется. Положение же это о том, что мир действительно таков, каким он познается одним из бесчисленных существ мира – человеком, теми внешними чувствами: зрением, обонянием, слухом, вкусом, осязанием, которыми одарено это существо (человек), совершенно произвольно и неверно. Совершенно произвольно и неверно это положение потому, что для всякого

существа, одаренного другими чувствами, как например, для рака или микроскопического насекомого и для многих и многих, как известных, так и неизвестных нам существ, мир будет совершенно иной. Так что первое положение, на котором основываются все выводы этих наук, положение о том, что мир в действительности таков, каким он представляется человеку, произвольно и неверно. А потому и все выводы из этого положения, основанного на данных внешних чувств одного из существ мира, человека, не содержат в себе ничего реального и не могут удовлетворить серьезной любознательности. Но если и допустить, что мир действительно таков, каким он представляется одному из бесчисленных существ, живущих в мире, человеку, или то, что, не имея возможности познать мир, каков он в действительности, мы довольствуемся изучением того мира, который представляется человеку, то и тогда познание этого мира не может точно так же удовлетворить требованиям разумной любознательности. Но может удовлетворить потому, что все явления этого мира представляются человеку не иначе, как в бесконечном времени и бесконечном пространстве, и потому, как причины, так и последствия каждого явления, а также и отношения каждого предмета к окружающим его предметам никогда не могут быть действительно постигнуты. Причины происхождения каждого явления, а также и последствия его теряются в бесконечном прошлом и будущем времени. Точно так же отношение каких бы то ни было предметов к окружающим их предметам не может быть точно определено, так как всякий предмет не может быть представляем иначе, как веществом в пространстве, а вещественные предметы не могут быть мыслимы иначе, как по отношению к бесконечно великим и бесконечно малым предметам.

Человек произошел от низших животных, а низшие животные от кого? А сама земля как произошла? А как произошло то, от чего произошла земля? Где мне остановиться, когда я знаю, что по времени конца нет и не может быть ни вперед ни назад. Или мне говорят, что солнце во столько-то тысяч раз больше земли. Но солнце ничто в сравнении с звездами в млечном пути. А в человеке кровяные шарики, а в шариках молекулы, а в молекулах что?

Так что хотя могут быть и забавны, и интересны для людей, свободных от необходимого для жизни труда, исследования так называемых естественных наук о происхождении миров или органической жизни, или о расстояниях и величине миров, или о жизни микроскопических организмов и т. п., исследования эти не могут иметь никакого значения для серьезного, мыслящего человека, так как составляют только праздную игру ума, и потому ни в каком случае не могут быть признаваемы науками.

Так это по отношению первого отдела так называемых наук.

Второй отдел «наук», прикладные, т.е. различные знания о том, как наименее легчайшим способом бороться с силами природы и как пользоваться ими для облегчения труда людского, еще менее, чем знания первого отдела, могут быть признаны наукой. Не могут такого рода знания быть признаны наукою потому, что свойство истинной науки, так же, как и цель ее, есть всегда благо людей, все же эти прикладные науки, как физика, химия, механика, даже медицина и другие, могут так же часто

служить вреду, как и пользе людей, как это и происходит теперь. Теперь, при капиталистическом устройстве жизни, успехи всех прикладных наук, физики, химии, механики и других, неизбежно только увеличивают власть богатых над поработанными рабочими и усиливают ужасы и злодеяния войн. И потому все прикладные знания могут быть признаны мастерствами или теориями различных мастерств, но никак не наукой.

Остается третий разряд знаний, называемых наукой, знаний, имеющих целью оправдание существующего устройства жизни. Знания эти не только не отвечают главному условию того, что составляет сущность науки, служению благу людей, но преследуют прямо обратную, вполне определенную цель удержать большинство людей в рабстве меньшинства, употребляя для этого всякого рода софизмы, лжетолкования, обманы, мошенничества. «Науки» эти прежде всего богословские, кощунственно называемые закон Божий, разные гомилетики, патристики и пр. и пр. Потом лжефилософия, как Гегель, Маркс, Гекель, Нитше и т. п., потом юриспруденция со всеми своими пропедевтиками, криминалистами, международными, финансовыми и т. п. правами, потом исторические науки с своим патриотизмом и описанием всякого рода преступлений в виде великих подвигов. Думаю, что излишне говорить о том, что все эти знания, имеющие целью зло, а не благо человечества, не могут быть названы наукой.

VI.

Так что в наше время называется наукой не то, что всеми людьми признается истинным, разумным и нужным, а наоборот признается истинным, разумным и нужным все то, что некоторыми людьми называется наукой.

И потому на ваш вопрос, вредна ли наука и в чем ее вред, ответ мой тот, что нет на свете ничего нужнее, благотворнее настоящей науки, и напротив, нет ничего вреднее тех пустяков, которые называются праздными людьми нашего мира науками.

Главная причина того зла, от которого теперь страдают люди, причина того деления людей на властвующих и подвластных, на рабов и господ, и той ненависти и злодеяний, которые производят это деление, главная причина этого зла— лженаука. Только эта лженаука дает властвующим возможность властвовать и лишает подвластных возможности освободиться от своего порабощения. И те, которые властвуют (я разумею не одни правительства, а всю властвующую касту), знают это и хотя часто и бессознательно, но чутко, чтобы не выпустить власть из рук, следят за наукой и всеми силами поддерживают ту, так называемую науку, которая им на руку, и всячески заглушают, извращают ту истинную науку, которая может обличить их беззаконную, преступную жизнь.

Люди эти, составляющие правительство и властвующие классы, хорошо знают, что все дело в том, усвоится народом ложная или истинная наука, и потому учреждают и поддерживают, одобряют и поощряют все те пустые, ненужные рассуждения, исследования, праздные умствования, всякие теории разных мастерств, приспособлений к жизни и всякого рода юридические, богословские и философские софизмы, которые называются науками, настоящую же науку, науку о том, как жить доброй жизнью, признают «ненаучной», принадлежащей к чуждой науке области религии. Область же религии признается ими, у нас преимущественно правительством, в других христианских странах, Англии, Германии, Франции, Австрии, высшим обществом, не подлежащей обсуждению, и все данные религии, несмотря на явные в них нелепости, выдаваемые за священные истины, признаются неизменно такими, какими они дошли до нас. В области наук считается необходимым исследование, проверка изучаемого, и хотя сами по себе предметы лженауки ничтожны, т.е. исключено из нее все то, что касается серьезных нравственных вопросов жизни, в ней не допускается ничего нелепого, прямо противного здравому смыслу. Область же религии, к которой отнесены все серьезные жизненные, нравственные вопросы, вся переполнена бессмысленными чудесами, догматами, прямо противными здравому смыслу, часто даже и нравственному чувству, к устранению которых никто не смеет прикоснуться. И потому естественно, что люди «науки», с особенным уважением, подобострастием относясь к своим пустяшным занятиям и с снисходительным презрением к тому соединению глубоких и нужнейших истин о смысле и поведении жизни с нелепейшими чудесами и догматами, называемому религией, внушают такие же чувства и своим ученикам.

И выходит то, что люди из народа, ищущие просвещения, а их теперь миллионы, с первых шагов на пути своего просвещения находят перед собой только две дороги: религиозное, отсталое, закоренелое учение, признаваемое священной, непогрешимой истиной, не могущее уже удовлетворить их разумным требованиям, или те пустяки, называемые «наукой», которые, как нечто почти священное, восхваляется людьми властвующего сословия. И люди из народа всегда почти поддаются обману и, избирая то, что называется наукой, забывают себе голову ненужными знаниями и теряют то свойственное уважение к важнейшему нравственному учению о жизни, которое, хотя в извращенном виде, они признавали в религиозных верованиях. А как только люди из народа вступают на этот путь, с ними делается то самое, чего и хотят властвующие классы, они, теряя понятие об истинной, настоящей науке, становятся покорными орудиями в руках властвующих классов для поддержания в рабстве своих собратьев.

Так что как ни велик вред ложной науки, и в том, что она забивает головы людей самыми ненужными пустяками, и в том, что посредством прикладных знаний дает возможность властвующему классу усиливать свою власть над рабочим народом, и в том, что прямо обманывает людей из народа своими богословскими, квази-философскими, юридическими, историческими и военно-патриотическими лжами, главный величайший вред того, что называется наукой, в той полной замене истинной науки о том, что должен делать человек для того, чтобы прожить свою жизнь наилучшим образом, заключавшейся хотя и в извращенном виде в религиозном учении, совершенно пустыми, ни на что ненужными или

вредными знаниями.

Сначала кажется странным, как могло это случиться, как могло сделаться то, что то, что должно служить благу людей, стало главной причиной зла среди людей. Но стоит только вдуматься в те условия, при которых возникали и развивались те знания, которые называются наукой, чтоб вредоносность этой науки не только не представлялась странной, но чтобы ясно было, что это и не могло быть иначе.

Ведь если бы то, что признается наукой, было производением труда мысли всего человечества, то такая наука не могла бы быть вредной. Когда же то, что называется наукой, есть произведение людей, преступно незаконно живущих праздною, развратной жизнью на шее порабощенного народа, то не может такая наука не быть и ложною, и вредною. Если бы живущие грабежом разбойники или воровством воры составили свою науку, то наука их не могла бы быть ничем иным, как только знаниями о том, как наиудобнейшим способом грабить, обворовывать людей, какие нужно иметь для этого орудия и как наименее неприятнейшим образом пользоваться награбленным. То же и с наукой людей нашего властвующего сословия.

VII.

«Но если и согласиться, что наука одного класса людей не может быть вся полезна для всех, все-таки такие знания, как физика, химия, астрономия, история, в особенности математика (кроме того и искусство), сами по себе не могут не быть полезны людям и расширением их миросозерцания и своим практическим приложением», – скажут люди науки. «Если само по себе и нехорошо то, что были и есть люди, которым не надо самим кормиться, то все-таки все то, что сделали эти люди благодаря тем условиям, в которых они находились, не теряет от этого своей ценности».

Нет, не годится и эта оговорка для оправдания того, что у нас называется наукой.

Представим себе, что на острове живут тысячи семей, с трудом прокармливаясь земледельческим трудом, одна же семья владеет большей половиной острова и, пользуясь нуждой в земле остальных жителей, выстроила себе роскошный дом со всякими усовершенствованными приспособлениями, террасами, картинами, статуями, зеркалами, завела конюшни с дорогими лошадьми и всякого рода экипажами и автомобилями, вывела лучшей породы скот, развела фруктовые сады с теплицами, оранжереями, парк с беседками, прудами, фонтанами, теннисом и всякими играми. Что будет со всеми этими прекрасными самими по себе предметами после того, как власть этой одной семьи над своими владениями уничтожится и тысячи семей, которые до этого кормились впроголодь на своей земле и работали на владельцев половины острова, получат в свое распоряжение дома, конюшни, лошадей, экипажи, скот,

парк со всеми своими фонтанами, теннисом, оранжереями и теплицами?

Как ни хороши и дом, и парк, и скот, и оранжереи, не могут все обитатели острова воспользоваться всем этим. Дом слишком велик даже для школы и будет слишком дорог своей поддержкой и отоплением, скот даже для породы слишком тяжел для плохих коров жителей, оранжереи, теплицы, беседки ненужны, так же, как ненужны другие сосредоточенные в одном месте приспособления богатых владельцев. Всем жителям острова нужно совсем другое: нужны хорошие дороги, проведенная вода, отдельные сады, огороды, нужна только следующая ступень благосостояния для всех, не имеющая ничего общего с террасами, статуями, автомобилями, рысаками, оранжереями, цветниками, теннисами и фонтанами. Все эти сами по себе хорошие предметы: статуи, трюмо, оранжереи, рысаки автомобили, как бы ни увеличивалось благосостояние людей острова, ни для них, ни для будущих поколений никогда не понадобятся. Увеличивающееся благосостояние всех людей, живущих общей жизнью, потребует совершенно других предметов.

То же и с знаниями, как теоретическими, так и прикладными, которые доведены в своем роде до большого совершенства людьми богатых сословий. Нет никакого основания предполагать, что те знания и те различные степени их развития среди людей, живущих вне каст одной общей для всех жизнью, будут те же самые, как и те, которые развились и развиваются среди немногих людей, живущих исключительной жизнью, не своими, а трудами других людей. Нет никакого основания предполагать, чтобы люди, живущие все одинаковой внекастовой жизнью, занялись бы когда-нибудь вопросами о происхождении организмов, о величине и составе звезд, о радие, о деятельности Александров македонских и других, об основах церковного, уголовного и других подобных прав, об излечении болезней, происходящих от излишеств, и многими и многими другими знаниями, которые теперь считаются науками.

Трудно предположить даже и то, чтобы люди, живущие общей жизнью, занятые вопросами истинной науки о том, что надо делать каждому человеку, чтобы жить хорошо, переделали бы все дела этой науки так, чтобы могли когда-нибудь на досуге заняться и аэропланами, и тридцатиэтажными домами, и граммофонами, и взрывчатыми веществами, и подводными лодками, и всеми теми чудесами, которые даются теперь прикладными науками. Людям, занятым вопросами истинной науки, всегда будет слишком много своего нужного дела. Дело это будет в том, чтобы уяснить каждому человеку, что ему надо делать для того, чтобы не могло быть людей голодных или лишенных возможности пользоваться землей, на которой они родились, чтоб не было женщин, отдающих на поругание свое тело, чтоб не было соблазнов пьянства, алкоголя, опиума, табака, чтоб не было бы делений на враждебные народы, не было бы убийств на войнах людей чужих народов и своего народа на гильотинах и виселицах, не было бы религиозных обманов и мн. др. Мало того, людям, занятым истинной наукой, надо будет уяснить, что надо делать каждому человеку для того, чтобы хорошо воспитывать детей, чтобы хорошо жить в семье, чтобы хорошо питаться, чтобы хорошо возделывать землю. Так много таких и много и много других важных вопросов будут стоять перед людьми, занятыми истинной наукой, что едва ли когда-нибудь будут они в состоянии и захотят заняться

граммофонами, аэропланами, взрывчатыми веществами и подводными лодками.

Нет, не может быть в той науке, которая выросла на преступлении, на нарушении основного положения настоящей науки: хоть не любви, а уважения людей друг к другу и потому равенства их между собой, не могло в такой науке выработаться что-нибудь не то что полезное, но не вредное тому народу, на нарушении прав которого основывалась вся эта наука.

VIII.

Ведь только забыть хоть на время то, к чему мы так привыкли, что мы уже не спрашиваем, хорошо ли это или дурно, и взглянуть на то, что делается с людьми под предлогом их обучения науке, т.е. самой нужной истине, чтобы ужаснуться на те преступления и нравственности и здравого смысла, которые совершаются в этой области. Устраивают за большие деньги, собранные с народа, заведения, в которых одним людям разрешается, другим не разрешается учить и учиться. Определяется, чему и чему должны учиться люди и сколько времени и, главное, какое они за какое учение получают в виде диплома, дающего средства жить трудами других людей, вознаграждение.

Награждение и выгода за приобретение знаний!

Ведь это все равно, как если бы давали награждение людям за то, чтобы они ели приготовляемую для них пищу, и запрещали бы людям всякую другую кроме этой пищу.

Уже одно это обещание вознаграждения и запрещение есть свою несомненно доказывает, что пища дурная и что те, кто готовят ее, желают не накормить, а отравить потребителей.

Разве не то же самое с тем, что у нас называется наукой? Люди властвующего класса хорошо знают, что живы они только до тех пор, пока царствует их ложная наука и скрыта настоящая, знают, что только стань на то место, на котором стоит теперь ложная наука, истинная, и конец их царству. А конец их царству потому, что при истинной науке не найдут они уж себе помощников из народа для того, чтобы, как теперь, посредством этих помощников, всяких полицейских, чиновников, учителей, тюремщиков, а главное, солдат, держать народ в своей власти – держать в своей власти самым простым старинным способом: на награбленные с народа деньги набирать помощников из народа, с помощниками грабить народ и частью награбленных денег подкупать новых помощников.

Узнай люди народа истинную науку, и не будет у властвующих помощников.

И властвующие знают это, и потому не переставая всеми возможными средствами, приманками, подкупами, заманивают людей из народа к изучению ложной науки и всякого рода запрещениями и насилиями отпугивают от настоящей истинной.

Обман явный. Что же нужно делать людям, чтобы избавиться от него?

А только то, чтобы не поддаваться обману.

А не поддаваться обману значит родителям не посылать; как теперь, своих детей в устроенные высшими классами для их развращения школы, и взрослым юношам и девушкам, отрываясь от честного, нужного для жизни труда, не стремиться и не поступать в устроенные для их развращения учебные заведения.

Только перестань люди из народа поступать в правительственные школы, и сама собой не только уничтожится ложная, никому, кроме одного класса людей, ненужная лженаука, и сама собой же установится всем и всегда нужная и свойственная природе человека наука о том, как ему наилучшим образом перед своей совестью, перед Богом, прожить определенный каждому срок жизни. И такая истинная наука, как ни стараются те, кому она вредна, заглушить ее, не переставая существует, как и не может не существовать между людьми. Такая истинная наука, как она ни забита усилиями людей властвующих классов, проявляется в нашем мире и в разных религиозно-нравственных учениях, не признаваемых ложной наукой и называемых сектами, проявляется, хотя и в неполном и извращенном виде, в учениях коммунизма, социализма, анархизма и, главное, в личных словесных поучениях людей людям.

Только не верь люди в науку, вводимую насильем и наградами, и не обучайся ей, а держись только той одной свободной науки, которая учит только тому, что делать каждому человеку для того, чтобы прожить свой срок жизни, как это хочет от него Бог, живущий в его сердце, и само собой уничтожится то деление людей на высших властвующих и низших подвластных, и большая доля тех бедствий, от которых теперь страдают люди.

А такая истинная и свободная, не покупаемая и не продаваемая наука, которой учатся люди не для дипломов, а только для того, чтобы познать истину, и которой обучают люди не за деньги, а только для того, чтоб людям братьям передать то, что знают, такая наука всегда была и есть, и научиться этой науке можно всегда, не поступая за деньги в школы, гимназии, университеты и всякие курсы, и из устных поучений добрых и мудрых людей живущих и из таких же книжных поучений умерших великих мудрецов и святых людей древности.

Так вот мое мнение о том, что такое истинная наука и что такое ложная наука, в чем вред от нее и как от него избавиться.

1 Августа 1909 г.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

ВАРИАНТЫ СТАТЬИ «О НАУКЕ».

* № 1.

То, о чем вы пишете в вашем письме, так важно, что мне хочется как сумбу подробно ответить на ваши вопросы <или скорее на один ваш вопрос>. Вопросы ваши сводятся все к трем вопросам: 1) О том, в чем должна быть настоящая нужная для людей наука или образование? 2) Что такое то, что у нас называется наукой и образованием? и 3) Полезна ли эта наука или образование? а если не полезна, то не вредна ли она, а если вредна, то в чем ее вред?

На первый вопрос отвечаю так:

Наука <или образование> настоящая (буду употреблять одно слово наука, так как наука и образование значить одно и тоже), наука настоящая, т.-е. то, что человеку нужно знать, есть только одна: как человеку как можно лучше прожить в этом мире тот короткий срок жизни, который определен ему Богом, судьбой, законами природы – как хотите. Чтобы знать это, надо <человеку> прежде всего знать, что точно хорошо, всегда хорошо, что точно дурно, всегда дурно, т.-е. знать, что должно и чего не делать для того, чтобы жизнь была хорошая. Знать это не всякий может, потому что часто бывает, что то, что кажется хорошим, окажется дурным: ребенок не знает, что огонь жжется и лезет к огню и обжигается, <человек> неопытный малый не знает, что от пьянства люди теряют рассудок, напивается и делает то, чего не хотел бы, <взрослый> в полном разуме человек не знает, что от зла бывает зло, сердится на обидчика и оплачивает ему тем же и портит свою жизнь, и так многое другое. Так что вся настоящая наука <нужная людям> только в том, чтобы знать, что хорошо, что дурно и что надо и чего не надо делать для того, чтобы прожить хорошо. Все, что помогает этому знанию, все это наука, а все, что не помогает этому, то не наука, а одни пустяки.

Такъ что поэтому всякій человекъ, будь онъ уменъ или не очень уменъ, ученъ и вовсе безграмотенъ, всякій можетъ разобратъ, какія знанія идутъ къ наукѣ и какія одни пустяки, хотя люди и занимаются ими и восхваляютъ тѣхъ, которые

[1] знаютъ много такихъ пустяковъ. Настоящая наука одна и не очень большая и не трудная, она вся только въ томъ, чтобы знать, какъ о томъ самомъ, въ чемъ дѣло науки, о томъ, какъ людямъ надо жить на свѣтѣ, какъ объ этомъ думали прежде насъ за тысячи лѣтъ самые лучшіе и мудрые люди. А такіе люди были вездѣ, и въ Индіи Кришна и въ Китаѣ Конфуцій, и Лаотци и Будда и въ Греціи и Римѣ Сократъ и Эпиктетъ и Маркъ Аврелій и Христосъ, и Іоаннъ Апостоль, и многіе и мн. мн. др. И вотъ знать это и знать, къ чему, одному и тому же пришли они всѣ, въ этомъ истинная наука. И наука эта не длинная и не мудреная. И вкратцѣ наука эта понятна всякому самому простому ребенку или безграмотной старушкѣ, [2] какъ и не можетъ быть иначе. Неужели Богъ или судьба или законъ природы можетъ быть такъ несправедливъ, что откроетъ истину только тому, кто учился 12 лѣтъ въ учебномъ заведеніи. А настоящая наука въ томъ, чтобы дѣлать другому то, чего себѣ хочешь. Это всякому понятно и больше ничего не нужно. Такъ что настоящая наука одна и короткая, пустяковой же наукѣ конца нѣтъ.

* № 2.

Вотъ эти то люди и выдумываютъ разныя игры, потѣхи, забавы, въ томъ числѣ и то, что они называютъ наукой. Бѣды отъ этого особенной не было бы, если бы эти дармоѣды занимались букашками и звѣздами, рядомъ съ картами, скачками, нарядами, чѣмъ бы дитя не тѣшилось только бы не плакало, но бѣда въ томъ, что знаетъ кошка чье мясо съѣла, эти люди хотятъ оправдать свою праздную и незаконную жизнь на шеѣ другихъ людей тѣмъ, что они заняты самымъ важнымъ дѣломъ, наукой, и для этого называютъ наукой тѣ пустяки, которыми они занимаются, увѣряя, что все это они дѣлаютъ на пользу людей. Настоящей же наукой имъ никакъ нельзя заниматься, потому что настоящая наука обличаетъ ихъ грѣхъ, тотъ, что живутъ на шеѣ рабочаго народа. Для того же, чтобы придать важность тѣмъ пустякамъ, которые они называютъ наукой, они придумываютъ самыя хитромудрыя искусныя разсужденія, по которымъ разбираютъ всякія никому не нужныя тонкости, <:о томъ, какіе прежде, какіе послѣ родились звѣри, какія будутъ козявки размножаться, какія убавляться, какъ лучше [3] жить нашему рабочему народу, такъ чтобы былъ одинъ [4] хозяинъ или много хозяевъ и > давая этимъ разсужденіямъ разныя странныя новыя названія,

гносеологія, патологія, фізіомеханіка и т. п. и т. п.

И люди эти такъ давно ужъ заняты этимъ обманомъ, что они сами подъ конецъ увѣрились, что тѣ пустяки, которые они называютъ наукой, очень важное дѣло, и не только они увѣрились <въ этомъ>, но увѣрили въ этомъ и несчастную молодежь, о которой вы пишете, которая бросаетъ честный законный трудъ и посредствомъ этой пустяковой науки лѣзетъ туда же въ дармофды науки, часто не замѣчая всю подлость того, что она дѣлаетъ, какъ вы пишете, бросаетъ выкормившихъ ихъ и трудящихся родителей для того, чтобы надѣть сюртукъ, лаковые сапоги и болтать пустяки про науку и [1 не разобр.] обучать дѣтей все той же пустяковой наукѣ.

Въ этомъ великій вредъ того, что у насъ называется наукой.

* № 3.

вытти изъ своего круга трудящихся людей въ кругъ дармофдовъ.

* № 4.

Люди говорятъ, особенно теперь послѣ нашей революціи, что все зло въ томъ, что власти обижаютъ, капиталисты, землевладѣльцы давятъ народъ, что все во властяхъ, въ войскѣ. Все это неправда. Все въ ученѣ. И тѣ, которые властвують, знаютъ это и зорко смотрятъ за ученѣемъ, чтобы не выпустить его изъ рукъ. Они знаютъ, что въ немъ все дѣло, и всѣми силами поощряютъ то ученѣе, которое имъ на руку, и поддерживаютъ то устройство жизни, при которомъ они властвують, одобряютъ и поощряютъ всякія гносеологіи, орѳографіи, фізіократіи и т. п., но не даютъ хода никакой настоящей наукѣ – т.-е. ученію какъ жить доброй жизнью. А на мѣсто этого ученія предлагаютъ и предписываютъ разныя религіозныя вѣры, по которымъ все дѣло въ томъ, чтобы вѣрить въ церковь и во всѣ тѣ глупости и гадости, которыя она постановила, или въ священное писаніе или въ какое-то искупленіе грѣховъ какою-то смертью. Это дѣлаютъ всѣ правительства и всѣ правящіе классы.

У насъ больше правительство, а въ другихъ христіанскихъ странахъ, Англіи, Германіи, Франціи, Америкѣ, дѣлаютъ это же сами властвующіе классы, поощряютъ изученіе пустяковъ, или запрещаютъ или заминаютъ и

не даютъ хода настоящей наукѣ о томъ, какъ жить.

* № 4-а.

Люди эти хорошо знаютъ, что все дѣло въ томъ усвоится народомъ ложная или истинная наука и всѣми силами поощряютъ ту, которая, занимаясь пустяками, вытѣсняетъ истинную и потому поддерживаетъ то устройство жизни, при которомъ одномъ они могутъ властвовать и обирать рабочій народъ.

* № 5.

И вотъ есть одно средство перехода изъ касты униженныхъ въ касту возвышенныхъ. Средство это образованіе, какъ же униженнымъ и порабощеннымъ не желать воспользоваться этимъ средством?

То, что это такъ есть и что людямъ низшей касты нельзя не желать перейти въ высшую, совершенно очевидно. Вопросъ только въ томъ, хорошо ли то средство, которымъ пользуются люди для перехода изъ низшей касты въ высшую?

Что средство это нехорошо, видно уже изъ того, что если бы всѣ или хотя большое большинство стали всѣ «образованными», т.-е.

[5] всѣ перестали бы работать то, что прежде всего нужно для жизни людей, т.-е. пищу, жилище, одежду и др., а всѣ бы стали заниматься науками, то было бы всѣмъ жить очень плохо и даже невозможно жить. Но <всетаки> кромѣ этого надо разсмотрѣть, само по себѣ хорошо ли это средство, т.-е. хорошо ли то, что называется наукой или образованіемъ? Вы спрашиваете именно про это: вы спрашиваете, что такое наука? и что должно требовать отъ науки? и вредна ли наука и въ чемъ ея вредъ? И вотъ на эти-то вопросы я и постараюсь отвѣтить вамъ.

* № 6.

Да, хотите быть рабами или участниками порабощения, изучайте тѣ пустяки и гадости и обманы, которые ваши поработители называютъ наукой, и будете пользоваться трудами своихъ братьевъ, хотите быть свободными людьми изучайте одну настоящую науку, которой вы всегда вездѣ можете научиться и отъ людей и отъ книгъ, и будете имѣть то истинное благо, которое даетъ спокойная совѣсть, т.-е. согласіе съ высшими законами міра.

* № 7.

Мало того, такъ какъ всѣ «ученые», «образованные» привыкли къ тому, что всѣ вопросы о жизни, о добрѣ и злѣ, т.-е. всѣ вопросы нравственные настоящей науки отнесены ложной «наукой» въ область религіи, т.-е. въ область нелѣпостей, то самые и вопросы эти уже никогда не разбираются и къ обсужденію ихъ съ высоты такъ называемой науки «ученые» «образованные» люди относятся только съ сострадательнымъ презрѣніемъ. Это-то выдѣленіе изъ области науки вопросовъ нравственныхъ о жизни людей и признаніе неподвижности религіи, которой одной признаются подлежащими эти вопросы, выдѣленіе это особенно пагубно дѣйствуетъ.

* № 8.

Одна часть этой квазинауки есть оправданіе своего положенія: ложь богословская, ложь юридическая, другая часть практическія знанія, дающія возможность перелетать безъ труда изъ мѣста въ мѣсто, возможность веселиться всячески, объѣдаться, лечиться, защищаться, мучать, убивать всѣхъ мѣшающихъ сладкой жизни, третья часть праздное любопытство для препровожденія времени, карты, шахматныя задачи, науки, споры объ разныхъ теоріяхъ.

* № 8-а.

третья часть это рядъ самыхъ гнусныхъ обмановъ, одуряющихъ и развращающихъ людей подъ предлогомъ сообщенія имъ священныхъ

богословскихъ истинъ или освященныхъ наукой несомнѣнныхъ знаній о томъ, какъ работающее большинство должно подчиняться праздному меньшинству и по волѣ этого меньшинства убивать себѣ подобныхъ.

* № 9.

они сами подъ конецъ такъ увѣрились въ томъ, что тѣ пустяки, которые они называютъ настоящей наукой, самое важное дѣло, а что то, что всегда было и есть одна настоящая наука: ученіе о томъ, какъ человѣку надо прожить свою жизнь, что это ученіе какъ несходящееся съ ихъ Дарвиновскими, Гекелевскими, Марксистскими теоріями, что это ученіе отжило свой вѣкъ и не нужно больше, что человѣкъ можетъ жить не думая и не спрашивая себя и всѣхъ прежде его жившихъ людей о томъ, какъ ему надо жить для того чтобы хорошо прожить свою жизнь, а жить какъ попало, для своей забавы изучая тѣ науки, который ему нравятся и изученіе которыхъ содѣйствуетъ улучшенію его положенія.

* № 10.

Но вы можетъ быть скажете: но если это и такъ, то какая бѣда въ томъ, что есть люди, которымъ не надо самимъ кормиться и которые на гулянкахъ придумываютъ разныя свои науки – о томъ, какія гдѣ звѣзды и козявки и какіе цари что дѣлали и т. п., вреда отъ этихъ выдумокъ не можетъ быть никакого, чѣмъ бы дитя не тѣшилось, только бы не плакало.

* № 11.

И наука эта всегда свободная, всегда одна нужная людямъ, всегда одинаковая въ своихъ основахъ съ самыхъ древнихъ временъ передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію, просвѣтитъ людей и освободитъ ихъ отъ того зла дѣленія людей на господъ и рабовъ и вытекающей изъ этого дѣленія ненависти вмѣсто любви, отъ которой теперь страдаютъ люди.

* № 12.

Средство это есть присвоение тѣмъ или инымъ способомъ трудовъ другихъ людей. Присвоение это въ нашемъ мѣрѣ совершается тремя способами: 1) прямымъ насильственнымъ отнятиемъ произведеній труда людей, т.-е. грабежемъ, этотъ способъ употребляется въ нашемъ мѣрѣ (преимущественно) правительствами въ большихъ размѣрахъ и разбойниками въ малыхъ; 2) не прямымъ, но косвеннымъ способомъ – владѣніемъ землею и капиталами и 3) тоже способомъ не прямымъ, но косвеннымъ: приобрѣтеніемъ образованія, при которомъ возможно участвовать или въ грабежѣ правительства или въ отобраніи произведеній труда отъ народа посредствомъ землевладѣнія и капитала.

* № 13.

Трудно предположить даже и то, чтобы люди, живущіе общей жизнью, занятые вопросами истинной науки о томъ, какъ освободиться отъ препятствій, полагаемыхъ доброй жизни государственностью, патриотизмомъ, ложными вѣроученіями, захватомъ земельной собственности, а также и вопросами объ упорядоченіи половой жизни, о воспитаніи и другихъ подобныхъ, пришли бы когда-нибудь къ признанію необходимости наукъ, дающихъ аэропланы, граммофоны, взрывчатые вещества, скоропечатныя машины, подводныя лодки и т. п.

* № 14.

Для того же, чтобы не поддаваться обману, надо понять, что ученье только тогда настоящее ученье, когда оно не предписывается начальствомъ, чтобы оно было такое, а не такое, и чтобы оно совершалось тогда и тамъ, а главное чтобы за ученье получалась какая либо выгода. Для того чтобы освободиться отъ обмана, надо понять, что настоящее ученье можетъ быть только тогда, когда оно совершенно свободно.

* № 15.

Средство это, приобретение образования, дурно и безнравственно уже по одному тому, что выводит всякаго человека изъ среды трудящихся и приготовляющих то, что прежде всего нужно для жизни людей, т.-е. пищу, жилище, одежду и др., уменьшая количество этихъ трудящихся, увеличиваетъ ихъ и такъ часто сверхсильный трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ число людей, живущихъ на шеѣ трудящихся.

Комментарии Б. М. Эйхенбаума

О НАУКЕ.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

В конце июня 1909 г. Толстой получил письмо от крестьянина Ф. А. Абрамова, из Симбирска. Письмо это было следующее:

«Графу Льву Николаевичу Толстому

от организатора Симбирской «Общины свободных христиан»

крестьянина Федора Андреева Абрамова.

Здравствуй дорогой Дедушка! Давно собирался написать вам, но всё откладывал, так как вопрос — довольно серьезный и требует большой обдуманности. Я мысленно осуждаю науку и решил суд этот произнести во всеуслышание, на что и хотел спросить вашего совета. И хорошо, что не поторопился с обращением, иначе я бы жестоко ошибся и сам подпал бы осуждению. В последствии я пришел к той мысли, имею ли я право и кто либо осуждать науку, которая за последнее время творит чудеса? — Но такая наука там где то далеко, у нас ее нет; у нас в России есть только образование, т. е. тоже наука, но только искаженная, изуродованная и обезображенная. Но какая бы она ни была, я лично бессилен ее осудить, и несомненно мне докажут, что я не имею права этого сделать, как человек самоучка, не получивший какого бы то ни было образования. Вот это то меня и заставило обратиться к вам, дедушка, за помощью или советом. Вы человек, прошли образование и имеете науку и потому можете разобрать мои мнения. Я нахожу за собой право судить образование, хотя я серый крестьянин, без всякого образования, но за наукой наблюдаю, и как человек посторонний, незаинтересованный могу и выразить более правильный суд и думаю, что

такое определение не может вытечь со стороны образованных, так как каждый виновный старается оправдать себя и сродных ему людей, да и естественно, образованный образование не может судить, это будет тоже самое, что если преступник будет судить преступника или сын отца. Впрочем не только в сравнении, но и на самом деле образование у нас совершило великое преступление. – Всё образование у нас заключается в том, получить диплом и тем обеспечить себе жизнь, и не мало лиц получают жалование только за дипломы, большинство же хотя и занимаются трудом, по изготовлению таких же как и они бездельников. Но получить на это диплом не так то легко, и потому хроника последнего времени покрыта рядом самоубийств учащихся. Но самое преступление образованных состоит в том, что они избегают и пренебрегают труд, в особенности (физический, и в тоже время низко ценят труд рабочих людей; своей праздностью и роскошью соблазняют трудящийся народ, который во что бы то ни стало старается подражать им. Так например, не говоря уж о учительских институтах и семинариях, но когда крестьянский мальчик добропорядочно учится в двухклассной школе, то он уж отказывается от домашней работы: как то согребать навоз, дать корму и напоить скот и вообще от какой бы то ни было работы отказывается, мотивируя это тем, что она ему ни к чему, он готовится быть учителем; отец рад такому делу, он воображает себе что сын его будет образованным и не будет работать и поощряет в его лени. Действительно, по окончании учения он поступает в церковно-приходскую школу учителем на 15–20 руб. в месяц. Летом на каникулы он приезжает к отцу, но уж теперь он не только работать, но и не может есть пустые серые деревенские щи, поэтому отец режет последнюю овцу для сына, а также что корова надоит молока и куры нанесут яиц всё это истребляет сын, учитель. А отец, старик, приезжает из поля с пахоты или жнитва и других работ ест сухой хлеб с водой. Так продолжается всё это, отец старик работает, недоедает, недосыпает, а сын учитель наевшись мяса, яиц и молока спит до 11 часов утра, а по прохладе вечерней ходит гуляет, ища себе развлечений. Это еще ничего. А то я знаю одного человека, он в 25 верстах от своего села поступил учителем в двухклассную школу, и там женился на образованной девушке. Отец его живет в достатке и снабжает сына съестными продуктами. Однажды зимой отец задумал побывать у сына, зарезал поросенка, двух куриц, было скопленное масло коровье, сметана, творог, всё это он привез сыну; выпрягши лошадь, он взошел в кухню и потом в зало, где его увидал сын и предупредил, чтоб он вернулся на кухню, а то, говорит, здесь натопчишь, да и навоняешь дубленой шубой. Вместе с отцом вышел в кухню и сын учитель, прежде всего он обратился к кухарке и велел ей убрать всё, что отец привез, а затем поставить самовар и напоить старика чаем. Оставив отца на кухне одного, учитель ушел в свои хоромы нянчить ребенка, ссылаясь, что жена занята приготовлением для приема гостей. Вечером учитель опять вышел к отцу и сказал, что к нему скоро приедут гости, поп, дьякон, учитель товарищ, лесной смотритель и волостной писарь, – «они пойдут здесь, у нас ход один только, через кухню, так ты тятка пожалуйста ляг где-нибудь в сторонке, чтоб тебя не увидели» – просит учитель отца – «и в крайнем случае если попадешься им на глаза не сказывай что ты мне отец, а то ты меня оконфузишь». Эти слова, как варом обварили старика – говорил после он.

Знаю я также крестьян коньчащих в Земледельской училище и они вместо того чтоб работать в родной деревне и практически показать крестьянам правильное земледелие, хлебоделство и вообще полевое и домашнее хозяйство, они нанялись в имение в управляющие, для того чтоб не работая получать деньги.

За последние два-три года интеллигенция как будто поняла что нужно – и начала группироваться с крестьянами в сельско-хозяйственные общества, руководствоваться опытным полем, и местами даже заводят сельскохозяйственные школы. Не знаю, как в других местах, но у нас в Симбирске, по отзывам начальства, это дело поставлено в лучшем виде. Да как вдруг на их беду 4 июня агроном Симб. уездного земства Д. Н. Пискунов отказался от занимаемой им службы. – «Я приглашен, пишет в заявлении агроном – в качестве заведующего опытным полем. Между тем, здесь нет никакого опытного поля и даже место не припасено, благодаря чему я лишен возможности вести хотя бы приготовительные работы. Остается только одно (чтоб даром жалования не получать) исполнять канцелярские работы. Но к этому я совершенно не призван».

Дай-то бог чтоб так побольше людей прозрело.

Развратом и роскошью заражена от образованных людей каждая хижина. Теперь для крестьян будь хоть какие урожаи, состояние их не поправится, всё будет нужда и недостатки, так как сыну нужно исправить лакированные сапоги, шелковых и др. модных рубах и дорогую верхнюю одежду, а потом в 10–15 руб. гармонику; на дочерей же нужно еще больше. К этому же за последние 2–3 года в каждом селе и деревне открыто по несколько пивных лавок, их тоже ведь нужно снабжать, а то отстанешь от интеллигенции. Более всего развращают народ попы. Бог в 4 заповеди повелевает людям 6 дней работать, а седьмой праздновать, попы же наоборот, шесть дней ничего не делают и только в праздник работают. Народ же совершает преступления, разврат и обиды в надежде, что поп в этом простит и за деньги даст царство небесное. В последнее время приходится наблюдать, что туго приходится и попам. Народ хотя и считает их за полубогов, в них видит все спасение и потому без них не обходится, но в то же время и ненавидит их, как самую негодную тварь; – и например, охотно пропивают на свадьбах по 100–150 р., попу же за венчание 5–6 руб. жалеют, и просто с досадою отдают. Это ли еще не пожинание пасторского насаждения?

Весь этот образованный и невежественный народ нужно отворотить с их ложного пути и направить на истинный, сами они этого не сделают и для этого нужна энергичная посторонняя сила. Сила эта уж начала появляться – от прозрения народа, но ее нужно только соединить. Для этой цели я организовал «Общину Свободных Христиан». Цель общины показать недостатки нашей науки и если возможно поставить ее на надлежащий путь; создать конкуренцию Синодальной церкви и тем ее заставить собрать собор, сделать церковное переустройство и отделиться от государства; возродить и укрепить нравственность и трудолюбие в народе. Девизом общины служит – «не хулить какую бы то ни было религию и не хвалить свою». Для [кусочек вырван] все веры одинаковы и святы, но при всем этом не оскорбляя чувство религиозности, со всей осторожностью и любезностью должны показывать – на религиозные недостатки и выставлять преступные похождения

духовных руководителей. В будущую весну мы намерены открыть Земледельческую школу, как у Неплюева в Трудовом Крестовоздвиженском Братстве, для этого мы хотим войти к ним в близкое общение. Вам конечно известно Неплюевская школа, будьте так добры не знаете ли вы за ней каких либо недостатков. Также дайте ваше мнение на мою затею. И вместе с тем ответьте на следующие вопросы:

1) Как вы смотрите на науку. 2) Что есть наука. 3) Видимые недостатки нашей науки. 4) Что дала нам наука? 5) Чего должно требовать от науки? 6) Какое нужно преобразование науки. 7) Как ученые должны относиться к темной массе и физическому труду? 8) Как нужно учить детей младшего возраста. 9) Что нужно для юношества.

Простите, что обременяю вас. Жду ответа душой и сердцем преданный вам бывший белоризец, крестьянин Ф. А. Абрамов.

22 июня 1909 года.

Адрес Симбирск. Редакция «Народные вести» Федору Андрееву Абрамову» (см. т. 79).

[6]

1 июля Толстой начал писать ответ Абрамову (см. вариант № 1). В Дневнике от 3 июля 1909 г. записано: «1-ое июля утром писал очень недурной ответ крестьянину об образовании. Не кончил еще». В тот же день приписано: «Чуть-чуть приписал к «О науке» и ничего не делал» (см. т. 57). Работа над этим письмом, превратившимся в статью, шла, как видно по датам обложек, каждый день – от 4-го по 20 июля. В Дневнике работа эта отмечена следующими записями (см. т. 57): «Писал О Науке немного» (5 июля). «Третьего дня, 6-го, не помню, кажется поправлял немного О Науке» (8 июля). «Нынче очень хорошо доканчивал о Науке... Вчера тоже писал письма вечером, а потом О Науке» (11 июля). «С утра до кофе взялся за О Науке и поправил, но весь вышел. Усталость мозга» (12 июля). «После обеда поехал к Чертковым, читал там О Науке. Приятные разговоры о прочитанном» (тогда же). «Встал слабый. Но работал О Науке недурно» (13 июля). «Опять всё утро занимался письмом О Науке. Всё еще ре совсем кончил» (14 июля). «Занимался письмом о Науке, приближаюсь к концу» (15 июля). «Все эти дни всё писал письмо О Науке» (19 июля).

Следует отметить, что толчком к написанию этой статьи, кроме письма Абрамова, послужил, повидимому, разговор с И. И. Мечниковым, посетившим Толстого 30 мая 1909 г. А. Б. Гольденвейзер записал 2 июля слова Толстого о Мечникове: «Когда мы поехали в Телятинки, я нарочно поехал с ним, чтобы поговорить о религиозных вопросах. Но попробовал и замолчал. Он верит в свою науку как в священное писание, а вопросы религиозно-нравственные, вытекающие из простого

нравственного чувства, ему совершенно чужды» («Вблизи Толстого», I, М. 1922, стр. 270).

13 июля 1909 г. Толстой у В. Г. Черткова читал еще не вполне законченную статью группе слушателей, среди которых были и рабочие (подробное описание см. в книге Н. Н. Гусева «Два года с Толстым», изд. «Посредник», М. 1912, стр. 299). 12 августа Толстой читал эту статью приехавшему в Ясную поляну П. Б. Струве (подробности см. в книге А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого», I, М. 1922, стр. 288).

Статья появилась одновременно в «Русских ведомостях» (1909 г., № 258 от 10 ноября) и в «Киевских вестях» (1909 г., №№ 300, 301 и 302, 10, 11 и 12 ноября). В «Киевских вестях» к статье сделано следующее редакционное примечание: «Настоящая статья Льва Николаевича прислана нам В. Г. Чертковым при письме, в котором он сообщает, что эта статья должна появиться в Америке, в «New York Times», 7 ноября (ст. стиля), а может быть одновременно с тем и в Европе. Печатаем эту статью, ибо дорого каждое слово великого автора – независимо от того, разделяем ли или нет его воззрения. Ред.»

В «Русских ведомостях» статья Толстого появилась в сильно сокращенном виде, на что указано самой редакцией. По этому поводу В. Г. Чертков написал статью – «Две цензуры для Толстого», напечатанную в журнале «Жизнь для всех» 1910 г., № 2 (стр. 121–134). Эта статья является ответом на упреки, сделанные Толстому. По поводу сокращений, сделанных редакцией «Русских ведомостей» и вызвавших различные недоразумения, В. Г. Чертков пишет: «Эта статья Толстого о науке была послана в несколько русских газет, в том числе и в «Русские ведомости», которые, как известно, являются органом группы ученых профессоров. Весьма любопытно было, как отнесутся эти заслуженные представители современной науки к статье, столь революционной по отношению к предмету их многолетней деятельности. Найдут ли они вообще возможным опубликовать такую статью на страницах своей газеты? А если напечатают ее, то что смогут они выставить в ее опровержение?» Далее говорится о «редакционной передовице», в которой опровергаются взгляды Толстого: «Я стал просматривать самую статью Толстого и – не поверил своим глазам. Оказалось, что в ней, помимо мест, выпущенных по цензурным соображениям, редакцией были также изъяты не содержащие ничего нецензурного, самые сильные и убедительные места, указывающие, до какой степени плоды современной науки в общем бесполезны, а во многом и вредны для рабочего народа». Затем приводятся наиболее значительные пропуски, сделанные редакцией «Русские ведомости», а в конце дается иронический отзыв о статье П. Д. Боборыкина «Нет ложной науки», напечатанной в «Русском слове» (11 ноября 1909 г.).

[7]

Полностью статья впервые была напечатана в сборнике: Л. Н. Толстой,

«0 науке», изд. «Единение», М. 1917, стр. 3–28.

Мы печатаем статью по последней копии, исправленной автором (см. в Описании рукописей № 13), с исправлением погрешностей переписчиков по предшествовавшим рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

В рукописном отделении ГТМ (АЧ, папка 120) имеются следующие рукописи письма–статьи «0 науке».

№ 1. Черновой автограф на 5 листах разной бумаги (обыкновенной 4° и почтового размера). Пагинация рукой Толстого красным карандашом: 1–5. Начало: «<Ваше письмо такъ> То о чемъ вы пишете въ вашемъ письмѣ...»; конец: «Они знаютъ, что въ немъ все дѣло». На л. 1 в левом углу – дата рукой Маковицкого: «I. VII. 09».

Начало этого автографа см. в варианте № 1; отсюда же – варианты №№ 2 и 3.

№ 2. Копия с автографа, сделанная рукой Д. П. Маковицкого, с обширной авторской правкой и вставками. 21 лист разной бумаги (4° и почтового размера и обрезков). Начало: «То о чемъ вы пишете въ вашемъ письмѣ...»; конец: «и не дають хода настоящей наукѣ о томъ какъ жить». Первоначальная пагинация копии: 1–17. Главы 1–3. В правом углу л. 20 рукой Д. П. Маковицкого помечено: «2. VII. 09».

Отсюда варианты №№ 4 и 5.

№ 3. Копия с двух последних листов предыдущей рукописи, сделанная рукой Д. П. Маковицкого, с обширной авторской правкой и новым продолжением, 4 лл. 4°. На последнем листе заполнено только три строки. Начало: «Люди говорятъ, особенно теперь...»; конец: «относятся только съ сострадательнымъ презрѣніемъ». Пагинация рукой Д. П. Маковицкого: 15–17.

№ 4. Листы машинной копии с рукописей № 2 и № 3, оставшиеся от перекладки. 12 лл. разного формата (4°, почтового размера и обрезков). Много авторской правки и новых вставок.

№ 5. Листы машинной копии с № 4, оставшиеся от перекладки. 11 лл. (4° и обрезки). Много авторской правки и новых вставок.

№ 6. Листы машинной копии и новых вставок, оставшиеся от перекладки и от промежуточной переработки. 24 лл. разного формата (в том числе – много обрезков). На одном листе (с машинной пагинацией 19) дата рукой Толстого: 2 Июля.

Отсюда – вариант № 6.

№ 7. Листы новой машинной копии, оставшиеся от перекладки. 20 лл. разного формата. Много авторской правки и новых вставок. Отсюда – варианты №№ 10 и 14.

№ 8. Листы новой машинной копии, оставшиеся от перекладки. 29 лл. разного формата. Много авторской правки и новых вставок. Отсюда – вариант № 11.

№ 9. Новая машинная копия (вместе с переложеными из прежних копий листами). 55 лл. разного формата (много обрезков). Большая авторская правка, есть новые вставки. Текст неполный. Начало: «лять въ овсы, а потомъ вмѣсто Акулины»...; конец: «какъ это хочеть отъ него Богъ, живущій въ его сердцѣ». Отсюда – варианты №№ 12 и 13.

№ 10. Листы машинной копии, оставшиеся от промежуточной переработки. 11 лл. разного формата (обрезки), с авторской правкой.

№ 11. Новая машинная копия (вместе с переложеными из прежних копий листами). 65 лл. разного формата, с авторской правкой. Текст неполный, но с меньшим количеством лакун, чем в № 9. Начало: «То, о чемъ вы пишете въ вашемъ письмѣ...»; конец: «<поддерживающей власть властвующихъ и скрывающей истинную?>»

№ 12. Листы машинной копии, оставшиеся от промежуточной переработки. 13 лл. разного формата (обрезки), с авторской правкой.

№ 13. Новая машинная копия (вместе с переложеными из прежних копий листами). 66 лл. разного формата (4°, обрезки и наклейки), с авторской правкой. Текст полный.

№ 14. Обрезки машинной копии – 9 лл. На обложке написано рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «Выпущенные листы из статьи «Письмо крестьянину о науке».

Кроме того сохранилось 17 обложек, в которых лежали отдельные части рукописей. На них рукой Н. Н. Гусева (карандашом) сделаны пометки: «0 науке» и ежедневные даты, начиная от 4/VII 09 и кончая 20/VII 09.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

В состав тридцать восьмого тома входят последние произведения Толстого, написанные им в 1909–1910 гг. Том заканчивается статьей «Действительное средство», над которой Толстой работал уже после ухода из Ясной поляны – в Оптиной пустыни, за несколько дней до своей смерти (последняя дата – 29 октября 1910 г.).

В настоящий том входят как художественные, так и теоретические произведения Толстого. Художественные произведения были опубликованы

после смерти Толстого (в России – в издании А. Л. Толстой, с цензурными купюрами, за границей – в издательстве «Свободное слово» (издатель И. Ладыжников) полностью) – за исключением очерков «Благодарная почва» и «Три дня в деревне», которые появились в печати еще при жизни Толстого. Проверка этих произведений по сохранившимся автографам привела к исправлению многочисленных ошибок, сделанных переписчиками и не замеченных Толстым (см., например, финал комедии «От ней все качества»). Рассказ «Ходынка» печатался до сих пор без последних заключительных строк, автограф которых только теперь был найден в другой рукописи. Среди вариантов, относящихся к произведениям этого отдела, особого внимания заслуживают варианты комедии «От ней все качества», не только дающие картину сложной работы Толстого, но и дополняющие текст комедии очень существенными и интересными деталями.

Что касается статей и статей-писем, входящих во второй отдел тома, то некоторые из них появляются здесь впервые: «0 Вехах», «0 ругательных письмах», «По поводу статьи Струве», «Письмо в «Русь» с ругательными письмами», «0 безумии» и «0 социализме». Одни из этих статей не были посланы в печать потому, что Толстой считал их слишком резкими или ненужными, другие остались незаконченными. Остальные статьи печатались частью еще при жизни Толстого, частью – после его смерти (в заграничных изданиях и в 12-м издании сочинений Толстого, 1911 г.). В этих статьях содержатся отклики на все главные события общественной жизни 1909–1910 гг., но особое внимание уделено в них двум темам: вопросу о «неизбежном перевороте», который должен произойти в современном цивилизованном мире (а в связи с этим – вопросу о государстве), и вопросу об интеллигенции, науке, воспитании и пр. Здесь Толстой подводит итоги своим давнишним мыслям, теориям и взглядам. Характерно, что многие из этих статей являются ответами на полученные Толстым письма: отвечая авторам этих писем, Толстой выходил за пределы обыкновенного частного письма и превращал ответ в статью, предназначенную для печати. Таковы, например, статьи: «Письмо революционеру» (Вруцевичу), «Письмо студенту о праве» (Крутику), «0 воспитании» (В. Ф. Булгакову), «0 науке» (крестьянину Ф. А. Абрамову), «Ответ польской женщине» (имя адресата неизвестно), «0 безумии» (выросло из ответа на письмо Р. С. Лабковской). Остальные статьи были вызваны газетными сообщениями, журнальными статьями, книгами, приглашениями на съезды, посещениями корреспондентов и разными событиями этих лет. Отметим, наконец, что в последние годы жизни Толстой неоднократно получал анонимные ругательные письма, наполненные проклятиями и угрозами за его «революционное» и антицерковное учение. Он собирался ответить на них письмом в газеты, но, написав, признал такое выступление излишним.

Ряд подробностей и фактических данных, относящихся к истории писания Толстым входящих в этот том произведений, сообщили Н. Н. Гусев, Н. С. Родионов и К. С. Шохор-Троцкий.

Указатель собственных имен составлен М. М. Чистяковой.

А. И. Никифоров.

Б. М. Эйхенбаум.

В. С. Шохор–Троцкая.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, не печатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. аббревиатуры) типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно собрание сочинений

Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации.

Фототипия с фотографического портрета Толстого 1909 г. (размер подлинника) между XI и 1 стр. стр.

Примечания

1

Зачеркнуто: научились этимъ

2

Зачеркнуто: У насъ христіанъ вся наука эта вкратцѣ въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго. Вся она вкратцѣ въ томъ

3

Зачеркнуто: править

4

Зачеркнуто: царь

5

Зачеркнуто: съли бы на то бревно, которое несутъ, то

6

Пометка Толстого на конверте: «Оч[ень] важн[ое]». Пометка Н. Н. Гусева: «Отв. Л. Н. 16/VII».

7

Эта статья Черткова вызвала ответ со стороны Н. Юрина – «Открытое письмо В. Г. Черткову» («Жизнь для всех» 1910, № 7), за которым последовало «Письмо в редакцию» В. Черткова (там же, № 8–9).